

- материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., 2–3 октября 2012 г. М., 2012. С. 146–150.
- ²⁷ Паикуров А., Разживин А. Указ. соч. Ч. 1. С. 110.
- ²⁸ По словарю русского языка XVIII века невинность – это в первую очередь невинность, но также и нравственная чистота и скромность, целомудрие. См.: Словарь русского языка XVIII века. URL: <http://feb-web.ru/feb/s118/slov-abc/14/sle14010.htm> (дата обращения: 28.05.2014).
- ²⁹ Аликова Е. Диалог человека и природы в идиллиях женщин-поэтов 1770–1820-х гг. // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2012. № 10. С. 96.
- ³⁰ Топоров В. Аптекарьский остров как городское урочище (общий взгляд) // Топоров В. Н. Петербургский текст. М., 2009. С. 502.
- ³¹ Аликова Е. Репрезентация диалога с читателем в русской женской поэзии конца XVIII – начала XIX века // Учен. зап. Петрозав. гос. ун-та. Сер. Общественные и гуманитарные науки. Филология. 2013. № 1. С. 76.
- ³² Биткинова В. «Аонида» – альманах «содружества» поэтов // Литература русского предромантизма : мировоззрение, эстетика, поэтика / под ред. Т. В. Федосеевой. Рязань, 2012. С. 129.
- ³³ Луков Вл. Предромантизм. М., 2006. С. 56.
- ³⁴ См. также: Верба Н. К проблеме трансформации сиптемы архетипов сюжетов о морских девах в культуре XIX века (на примере драмы «Русалка» А. С. Пушкина) // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2012. № 3. С. 113–117; Янушкевич А. Путешествие в страну романтизма : новые подходы к изучению русского романтизма первой трети XIX века // Филологический класс. 2004. № 12. С. 5–14.
- ³⁵ Верба Н. К проблеме пересечения архетипов сюжетов о морских девах с мировоззренческими константами эпохи романтизма // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2012. № 2. С. 125.
- ³⁶ Там же. С. 126–127.
- ³⁷ Там же. С. 125.
- ³⁸ Трафименкова Т. Роза в поэзии XVIII – первой половины XIX века // Русская речь. 2012. № 6. С. 7.
- ³⁹ Виноградова Л. Русалка // Дом Сварога. Славянская и русская языческая мифология : словарь. URL: <http://pagan.ru/slowar/r/rusalka0.php> (дата обращения: 28.05.2014).
- ⁴⁰ Зеленин Д. Избранные труды. Очерки русской мифологии : Умершие неестественною смертью и русалки. М., 1995. С. 199.
- ⁴¹ Аллатова Т. Аксиология Г. Р. Державина (к анализу стихотворения «Евгению. Жизнь Званская») // Аналистика культурологии. 2011. № 20. С. 184.

УДК 821.161.1.09-31+929Гоголь

НЕМЕЦКАЯ ТЕМА В ЦИКЛЕ Н. В. ГОГОЛЯ «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

Д. Л. Рясов

Саратовский государственный университет
E-mail: ryasow@mail.ru

В статье рассматриваются разные упоминания Германии в цикле Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», вопрос о понимании автором самого слова «немец» во время работы над повестями, а также некоторые параллели с произведениями других писателей.

Ключевые слова: Гоголь, «Вечера на хуторе близ Диканьки», Германия, немцы, национальный стереотип.

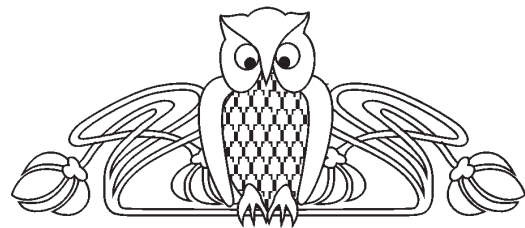
German Theme in N. V. Gogol's Cycle «Evenings on a Farm Near Dikanka»

D. L. Ryasov

The article deals with different instances of Germany being mentioned in Gogol's cycle «Evenings on a Farm Near Dikanka», as well as the issue of the author's understanding of the word «German» while working on his stories, and some parallels with the works of other writers.

Key words: Gogol, «Evenings on a Farm Near Dikanka», Germany, Germans, national stereotype.

Цикл Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» часто ассоциируется с народной славянской культурой. В нём можно обнаружить всевоз-

можные отголоски сказок, легенд, песен и обрядов. Но мог ли автор при создании своих повестей обращаться, например, к немецкому материалу? Это мы и попытаемся выяснить в данном исследовании.

Когда речь идёт о немцах в произведениях Н. В. Гоголя, первым персонажем, который в большинстве случаев вспоминается рядовым читателям, является чёрт из повести «Ночь перед Рождеством». Действительно, его описание весьма запоминающееся: мордочка «оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком; ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он переломал бы их в первом козачке»¹. Позже «немцем проклятым» беса называет кузнец Вакула, когда требует отвезти его в Петербург. Эта эмоциональная реплика ещё раз заставляет читателя вспомнить о метком сравнении из начала повести. Однако от размышлений, направленных в сторону сближения образов чёрта и германца, ограждает авторское примечание, в котором говорится о том, что немцем в Малороссии называли «всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед» (150). В

словаре В. И. Даля даётся несколько определений указанного понятия. Во-первых, имеется устаревшее, редко встречающееся значение «немой» (фактически «немец» – его синоним). Кроме того, так называется иностранец с Запада, европеец, не владеющий русским языком, «в частности же, германец»². В труде Даля можно обнаружить и такие слова, как «германизм» (свойственное немецкому языку выражение) и «германоман» («страстный приверженец немцев и всего немецкого»³). Приведённые определения говорят о том, что понятие «немец» довольно прочно ассоциировалось с Германией и германским.

Разумеется, и сам Гоголь чётко осознавал наличие различных толкований. В Нежинской гимназии, где он в своё время учился, большое внимание было уделено произведениям немецких романтиков. Преподаватель немецкой словесности Ф. О. Зингер, по мнению соученика Гоголя Н. В. Кукольника, открыл воспитанникам «новый, живоносный родник истинной поэзии»⁴. К немецкому языку, который весьма тяжело давался юному Николаю, он, по утверждению П. Кулиша, «впоследствии долго ещё питал комическое отвращение»⁵. Любопытно, что дед Гоголя, Афанасий Демьянович, напротив, преуспел в изучении языков, «особенно латинского и немецкого, которые преподавал детям своих деревенских соседей»⁶, как указывает В. И. Шенрок. Тем не менее определённый интерес к отдельным германским словам у будущего писателя всё же имелся. Об этом косвенно свидетельствует «Лексикон малороссийский», объяснительный украинский словарь, над которым Гоголь трудился в ученические годы. Среди собранного им материала можно обнаружить немало слов с авторской пометой «немецкое»: броварня, галанци, ганки, мусиндзьовий, плац, пранцибер, раховать, римар, ринва, спис, фарба, хутро, швендать, шпетить, шпуе. В некоторых случаях указывается даже оригинальная форма (фарба – от немецкого Farbe – краска). Многие из этих слов действительно были заимствованы из немецкого языка, и автор, тем не менее, посчитал нужным включить их в свой малороссийский словник. Возвращаясь к примечанию о «немце», можно сказать, что писатель не только хотел избежать неверного истолкования текста со стороны читателей, но и стремился ещё раз продемонстрировать своеобразность лексики, которой так изобилует весь цикл. В этом смысле само понятие «немец» фактически может быть включено в списки «слов, не всякому понятных» (146), которые писатель заботливо даёт в начале обеих частей «Вечеров...».

Но даже если чёрт из гоголевской повести и являет собой некий собирательный образ «пришельца с Запада», то в нём, безусловно, могут присутствовать, в частности, германские черты. В связи с этим любопытный факт можно обнаружить в воспоминаниях однокашника Гоголя по гимназии Т. Г. Пашенко. Он пишет о том, что

тамошний надзиратель Зельднер, человек весьма специфической внешности (в частности, имевший похожий на пятачок нос), своим видом побудил Николая сочинить следующие стихи: «Гицель – морда пороссяча, / Журавлины ножки; / Той же чортик, що в болоти, / Тилько приставь рожки!»⁷

Данные строки, по утверждению Пашенко, были на ура восприняты остальными учениками, которые иногда дразнили немца их прочтением. Косвенно существование этих стихов подтверждает рапорт профессора Н. Г. Белоусова, в котором говорится о том, что воспитанники гимназии Мартос и Данилевский «пели известную, давно сочиненную против надзирателя Зельднера песенку, за что оба и были наказаны»⁸. Неужели наружность именно этого строгого педагога отразилась в знаменитом описании из повести? Увы, здесь нам лишь остаётся полагаться на точность мемуариста. Но если приведённое четверостишие действительно принадлежит перу Гоголя, то отрицать очевидное сходство было бы неверно. К тому же, как следует из различных исследований, Зельднер действительно являлся весьма колоритной, запоминающейся фигурой. В доме его, как пишет Н. Л. Степанов, «господствовала немецкая аккуратность, сочетавшаяся со скарედностью»⁹. Он действительно не пользовался особым уважением со стороны учеников. Наиболее вопиющий случай с участием надзирателя, который, очевидно, сильно подорвал его авторитет, произошёл в 1826 г. Когда он сделал замечание воспитаннику Кобеляцкому, тот неожиданно «начал хлестать его, Зельднера, по ногам хлыстиком»¹⁰, затем начал бить педагога по голове, а потом и вовсе погнался за ним. В этой связи невольно приходят на память строки из гоголевской повести, где кузнец Вакула, взяв хворостину, отвесил бесу «три удара, и бедный черт припустил бежать, как мужик, которого только что выпарил заседатель» (182).

Разумеется, в данном случае мы сталкиваемся всего лишь с простым совпадением, однако вместе с тем необходимо признать, что Е. И. Зельднер являлся первым представителем немецкой нации, с которым Гоголю приходилось тесно общаться и взаимодействовать. Его черты, а вместе с ними культурные различия русских и немцев, не могли не отразиться на восприятии Германии будущим писателем. Весьма интересно, что в черновой редакции «Ночи перед Рождеством» в описании чёрта значилось, что у него были ноги «тоненькие, как у журавля» (381). Такое уточнение ещё сильнее сближает описание беса с обликом «героя» приведённой ранее эпиграммы. В связи с этим вспомним, что ещё в повести «Пропавшая грамота» дед, оказавшийся в адском пекле, видит опять-таки чертей «на немецких ножках» (141). Обратим внимание и на один момент из «Майской ночи», где голова и винокур обсуждают новый способ получения вина, изобретённый немцами – «курить не дровами, как все честные христиане, а каким-то чертовским паром» (122). Отметим, что

обе указанные повести относятся к первой части «Вечеров...», а рассмотренное нами примечание Гоголя появляется только во второй. Почему же гоголевские немцы так часто ассоциируются с бесовским началом? И. А. Виноградов указывает на то, что содержание эпиграммы на Зельднера весьма напоминает строки из баллады украинского поэта П. П. Гулака-Артемовского «Твардовский», о которой Гоголь, безусловно, мог иметь определённые представления: «...Немецъ / Стоить серед хаты! / Нис карлючка, рот свынчый, / Гыря вся в щетыни; / Нижкы курячи, собачый / Хвист, рижкы цапыни!»¹¹ На сходство указанных строк с описанием чёрта из повести «Ночь перед Рождеством», как пишет Виноградов, уже было указано исследователем П. Филипповичем.

При этом необходимо учитывать, что стихи Гулака-Артемовского являют собой не что иное, как переработку баллады Адама Мицкевича «Пани Твардовская», главный герой которой – популярный персонаж польского фольклора. Истории о пане Твардовском, чернокнижнике, продавшем душу сатане, была известна и в Малороссии. Украинский романтик при переводе придал тексту национальный колорит, благодаря чему из-под его пера вышла подлинная «малороссийская баллада». В работе, посвящённой рассмотрению поэтической интерпретации П. Гулака-Артемовского, исследователь Г. Н. Хлыпенко подмечает, что образ нечистого также был подвергнут определённым изменениям, при этом унаследовав «у черта А. Мицкевича, пожалуй, только две портретные детали: крючковатый нос да сравнение с немцем»¹². Как пишет автор комментариев к балладе Б. Стахеева, «в польском фольклоре черт очень часто изображается наряженным на немецкий лад»¹³. Таким образом, сравнение чёрта и германца действительно имело место и в культуре народа Малороссии.

Скорее всего, в случае с внешностью беса Гоголь также последовал за народными воззрениями. Присутствие иностранца, «чужого», во многом непонятного, а главное, отличающегося от «своего», говорящего на ином наречии, часто вызывало недоверие со стороны простых людей. А «представления, связанные с народной культурой, входят в фольклорное мышление, свойственное всем членам общества без исключения»¹⁴, – указывает историк С. В. Оболенская. Подобные воззрения, относящиеся к иностранцам вообще и германцам в частности, можно обнаружить и в других произведениях отечественной литературы. Например, в рассказе «Кикимора» О. М. Сомов выводит образ некоего странного господина, то ли немца, то ли француза Вот-он Ивановича, о котором среди крестьян шёл слух, «что в нем сидит бесовщина, и что его не достанет только на путное дело»¹⁵.

Но попробуем посмотреть на вопрос под другим углом и обратиться к образу чёрта в немецкой культуре. Быть может, из неё Гоголь тоже

мог почерпнуть некоторые черты для этого персонажа. Данный вопрос уже привлекал внимание исследователей. Например, Ю. В. Манн в книге «Поэтика Гоголя» приводит слова немецкого учёного XVIII в. К. Флегеля, который говорит о том, что чёрт является постоянным действующим лицом в немецких религиозных драмах: он «стремится овладеть душой своей жертвы, но попадает впросак и посрамляется»¹⁶. Кроме того, этот так называемый «глупый чёрт» всегда изображался с большой долей юмора. Являлся он и героем немецкого вертепа. В Германии до сих пор популярна традиция, связанная с предрождественским персонажем Крампусом, имеющим рога и густую шерсть. Он появляется в День святого Николая, похищает непослушных детей, засовывает в мешок и уносит с собой. Кроме того, Крампус питает особую слабость к женскому полу (вспомним чёрта из «Ночи перед Рождеством»). Данное сравнение, конечно, носит больше иллюстративный характер, но, как отмечает Ю. В. Манн, «“украинский” черт многим походит на “немецкого” черта с его “комической наивностью”»¹⁷. Говоря о вертепе, стоит также вспомнить, что и доктор Фауст из знаменитой поэмы Гёте, штудированной в своё время учениками Нежинской гимназии, изначально также являлся персонажем кукольных представлений. В Звиняцковский усматривает в данном случае определённые параллели с украинским вертепом, в котором «так же, как в немецкой “прославленной кукольной комедии” о докторе Фаусте, в “смеховом” переосмыслении всё ещё доигрывалась драма барокко»¹⁸. В данном случае не лишним будет упомянуть, что история пана Твардовского, привлекавшая внимание П. П. Гулака-Артемовского, также является своеобразным аналогом легенды о Фаусте. Учитывая несомненный интерес Гоголя и к творчеству Гёте, и к народной славянской культуре, приведённые параллели вполне могли быть замечены и живо восприняты им.

Но как в остальных случаях проявляется отношение писателя к Германии? С одной стороны, персонажи повестей воспринимают выходцев из неё с недоверием. В уже рассматриваемом нами эмоциональном диалоге винокура и головы проскальзывает упоминание немецких кренделей, национального кушанья, что указывает на осведомлённость беседующих о том, кто же всё-таки такие немцы. Тем не менее голова в сердцах восклицает: «Я бы батогом их, собачьих детей» (122). Следующий пример взят из черновой редакции повести «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка», где помещик Григорий Григорьевич говорит о лекарях, которые морочат голову простым людям: «...иная старуха в двадцать раз лучше знает всех этих немцев» (500). Как известно, многие поездки самого автора в Германию часто сопровождалась именно визитами к докторам, поэтому их писатель знал не понаслышке. Почему же Гоголь в итоге отказался от указания на национальность врачевате-

лей? Возможно, он хотел избежать повтора, так как подобная фраза могла напомнить читателям диалог из «Майской ночи»: приведённое ранее замечание головы о «собачьих детях» вполне мог высказать и Григорий Григорьевич. Тем не менее встречаются в «Вечерах...» и упоминания немцев с положительной стороны. Вакула, оказавшись в столице, поражается красоте медной ручки, очевидно, сделанной мастером из Германии, а брови Катерины из «Страшной мести» сравниваются с немецким бархатом. Кроме того, исследователи усматривают «немецкие следы» даже в «Сорочинской ярмарке». И. Виноградов, например, пишет о том, что отдельные описания из повести в чём-то совпадают с оценкой города Любека, который Гоголь посетил в 1829 г. и подробно охарактеризовал в письмах к матери¹⁹. Внимание учёного привлекло изображение воза, на котором Солопий Черевик с семьёй перевозил тяжёлую поклажу. Сходный момент имеется и в письме из Германии: Гоголь рассказывает об огромных фурах с ящиками, в которых можно увидеть «семейство, достойное фламандской школы, везущее в город продукты»²⁰. В данном случае личные впечатления писателя позволили ему разглядеть сходство в образе жизни столь разных на первый взгляд народов.

Надо сказать, что цитат, где прямо упоминаются немцы и Германия, в «Вечерах...» на самом деле не так уж и много. Те, что уже были приведены нами, пожалуй, являются наиболее яркими и показательными. Необходимо отметить, что во многих из них ярко проявляются так называемые национальные стереотипы. По утверждению С. Филюшкиной, оценка в них «всегда является обоюдоострой, характеризуя не только того, кто является объектом стереотипных суждений, но и того, кто такой стереотип создал»²¹. Таким образом, приведённые в данной работе высказывания героев так или иначе дают представления о суевериях и страхах жителей Малороссии, об их недоверии к чужеземцам вообще и к немцам в частности.

Мы подошли к более сложному вопросу, а именно к рассмотрению влияния на Гоголя немецкого романтизма. Разумеется, знакомство с ним произошло у будущего писателя ещё в юношеский период. Достаточно вспомнить эпилог идиллии «Ганц Кюхельгартен», где Гоголь восхищённо отзывается о Германии и, в частности, восхваляет «великого Гетте». Если присмотреться, то можно обнаружить несколько любопытных параллелей этой поэмы и повести «Страшная месть». Во-первых, речь идёт о сходстве образа Колдуна с немецким пастором из «Ганца», о котором известно, что в молодости он совершал некие «лютые дела», однако впоследствии отрёкся от них и взялся за спасение души. И. Виноградов указывает, что «покаянные подвиги “пастора” прямо соответствуют неисполненным обетам “колдуна” – они касаются именно сна и бдения»²². Старик-священник не спал целую ночь, очевидно, проведя её в молитве; колдун же

лишь обещал Катерине, что «день и ночь будет молиться Богу», но так и не смог в итоге стать на праведный путь. Кроме того, «какая-то чёрная вода», которую пил колдун, очень напоминает «кофий», любимый пастором. Внимание писателя к своему раннему произведению можно найти и в сцене, когда у берега Днепра мертвецы напугали пана Данило и его спутников: «Крест на могиле зашатался, и тихо поднялся из нее высохший мертвец» (188). А вот аналогичный момент из «Ганца»: «Подымается протяжно / В белом саване мертвец, / Кости пыльные он важно / Отирает, молодец...» (53). Такие описания могли быть навеяны произведениями В. А. Жуковского, черпавшего вдохновение во многом из германских источников. Вот, например, строки из его известной переводной баллады «Людмила», перекликающиеся с приведёнными гоголевскими цитатами: «Видит труп оцепенелый: / Прям, недвижим, посинелый, / Длинным саваном обвит»²³. «Чертописец» и, по выражению Вяземского, «поэтический дядька чертей и ведьм английских и немецких»²⁴ – именно так называет поэта в своём труде С. Шамбинаго.

Если вспомнить авторов, произведения которых имелись в библиотеке у молодого Ганца, можно обнаружить такие фамилии, как Тик, Винкельман и Шиллер. Их книги вполне могли по-настоящему заинтересовать и самого писателя. Ещё с момента выхода гоголевского цикла читатели и исследователи начали обращать внимание на переклички отдельных деталей и сюжетных поворотов с произведениями Людвиг Тика²⁵. Со «Страшной местью» литературоведы часто сравнивают его повесть «Пиетро Апоне»²⁶. Прежде всего, обращает на себя внимание общность в изображении магических обрядов, вершимых чародеем Апоне и Колдуном из гоголевского текста. С другой повестью Тика, имеющей название «Чары любви», ещё Н. Надеждин сравнивал «Вечер накануне Ивана Купала». Убиение ребёнка, красно-кровавый свет – эти элементы действительно присутствуют в обоих текстах. Кроме того, первый перевод произведения Тика появился ещё в 1827 г., поэтому Гоголь вполне мог ознакомиться с ним ко времени работы над «Вечерами...».

Надо сказать, что существует множество других спорных примеров сравнения повестей «Вечеров...» с книгами Тика, Гофмана, Гёте. Но, как справедливо указывает Е. Е. Дмитриева, корректней было бы говорить о влиянии на автора не конкретных произведений, а самого подхода писателей к материалу: «...западно-европейский сюжет преломляется в родственном украинском сквозь призму эстетики немецкого романтизма»²⁷. Так или иначе, Гоголю удалось создать собственный, уникальный мир, в котором, тем не менее, встречаются подчас узнаваемые образы и сюжеты. Присмотревшись к ним внимательно, можно найти множество параллелей, в том числе с немецкой литературой, что ещё раз говорит о неразрывной связи отечественной и западной культуры.

Примечания

- 1 Гоголь Н. Ночь перед Рождеством // Гоголь Н. Полн. собр. соч. : в 23 т. Т. 1. М., 2003. С. 150. В дальнейшем все ссылки на художественные произведения Гоголя приводятся в тексте по этому изданию с указанием страницы в скобках.
- 2 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2. М., 1955. С. 562.
- 3 Там же. Т. 1. С. 349.
- 4 Кукольник Н. Ф. О. Зингер // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. СПб., 1882. С. 262.
- 5 Николай М. (Кулиш П.) Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем : в 2 т. Т. 1. СПб., 1856. С. 21.
- 6 Шенрок В. Материалы для биографии Н. В. Гоголя : в 4 т. Т. 1. М., 1892. С. 38.
- 7 Пащенко Т. Черты из жизни Гоголя // Гоголь в воспоминаниях современников / под общ. ред. Н. Л. Бродского [и др.]. М., 1952. С. 42.
- 8 Сребницкий И. Материалы для биографии Н. В. Гоголя из архива Гимназии высших наук // Гоголевский сборник, изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией. Киев, 1902. С. 353.
- 9 Степанов Н. Гоголь. М., 1961. С. 34.
- 10 Сребницкий И. Указ. соч. С. 307.
- 11 Цит. по: Виноградов И. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников : в 3 т. Т. 1. М., 2011. С. 597.
- 12 Хлытенко Г. Баллада А. Мицкевича «Пани Твардовская» в поэтической интерпретации П. Гулака-Артемовского // Вестн. Кыргыз.-Рос. славян. ун-та. 2008. Т. 8, № 1. С. 116. URL: <http://www.lib.krsu.edu.kg/uploads/files/public/1995.pdf> (дата обращения: 01.09.2014).
- 13 Мицкевич А. Стихотворения. Поэмы. М., 1968. С. 701.
- 14 Оболенская С. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000. С. 28.
- 15 Сомов О. Кикимора // Северные цветы на 1830 год. СПб., 1829. С. 197.
- 16 Манн Ю. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996. С. 24.
- 17 Там же. С. 73.
- 18 Звиняцковский В. Поэтическое призвание гимназиста Гоголя (о значении личности и творчества И. В. Гёте в Нежинский период) // Гоголезнавчі студії = Гоголеведческие студии. Вып. 18. Ніжин, 2009. С. 54.
- 19 См.: Виноградов И. Гоголь – художник и мыслитель : Христианские основы мирозерцания. М., 2000. С. 17.
- 20 Гоголь Н. Письмо Гоголь М. И. 1 (13) августа 1829 г. Любек // Гоголь Н. Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 10. М. ; Л., 1940. С. 153.
- 21 Филлюшкина С. Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) // Логос. 2005. № 4 (49). С. 142. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/49/06.pdf> (дата обращения: 01.09.2014).
- 22 Виноградов И. Указ. соч. С. 62.
- 23 Жуковский В. Людмила // Жуковский В. Полн. собр. соч. : в 20 т. Т. 3. М., 2008. С. 15.
- 24 Шамбинаго С. Трилогия романтизма (Н. В. Гоголь). М., 1911. С. 13.
- 25 См.: Данилевский Р. Людвиг Тик и русский романтизм // Эпоха романтизма : Из истории международных связей русской литературы / отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1975. С. 68–113.
- 26 См.: Манн Ю. Указ. соч. С. 49.
- 27 Дмитриева Е. Гоголь в западно-европейском контексте : между языками и культурами. М., 2011. С. 95.

УДК 821.161.1.09-31+929Гоголь

МОТИВЫ МОЛВЫ В «МИРГОРОДЕ» ГОГОЛЯ: МЕЖДУ ПРИВЫЧНЫМ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ

Л. А. Ефремычева

Саратовский государственный университет
E-mail: larisa_efr@mail.ru

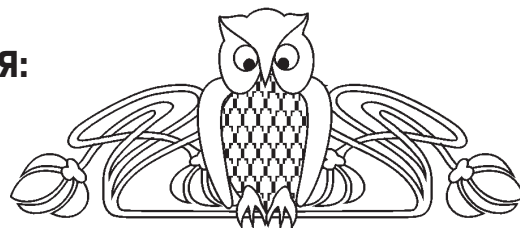
Исследуются художественные функции мотивов молвы и славы в сюжете «Старосветских помещиков», «Вия» и «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя. Рассматриваются их роль в сюжете и хронотопе произведений, значение в пространстве смысла повестей, связь с мотивами чрезвычайного происшествия и раскрытой тайны.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, мотив, молва, слава, «Миргород», воображение.

Hearsay Motive In N. V. Gogol's «Mirgorod»: Between the Usual and the Outstanding

L. A. Yefremycheva

Stylistic function of the motives of hearsay and fame are studied in the plots of «Old-World Landowners», «Viy», and «The Tale of How Ivan

Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich» by N. V. Gogol. Their role in the plot and the chronotopos of the works is considered, as well as their meaning in the space of the stories, their linkages with the motives of emergency and disclosed mystery are regarded.

Key words: N. V. Gogol, motive, hearsay, fame, «Mirgorod», imagination.

Продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки» стали повести, объединенные в цикл «Миргород». На смену хуторским вечерницам, ярмарочному и свадебному шуму приходят городские пересуды, повседневные обсуждения новостей. Большинство эпизодов, связанных с мотивами молвы, разворачивается в замкнутом локусе: